

УДК 811.161.1'04

Е. Н. Бекасова

Древнерусский текст как феномен греко-славянского культурного мира

В статье рассматривается древнерусский текст как феномен греко-славянского культурного мира, который сложился в своеобразных условиях становления древнерусской переводческой школы и русских скрипториев и определил особую ментальность книжников, оригинально соединявших старославянскую традицию и свободу творчества, что способствовало формированию «общежительного» в плане генезиса литературного языка.

Ключевые слова: генезис русского литературного языка, древнерусский текст, концепции происхождения восточнославянского литературного языка, старославянский язык.

Древнерусской книжности, как и другим средневековым литературам, была свойственна не только синхронность её исторического развития, но и диахронное сосуществование разновременных текстов — старой рукописной традиции, переработанных на её основе и вновь созданных.

С принятием христианства восточного образца в Киевской Руси начинают переписываться, переводиться и обрабатываться памятники, бытовавшие в Византии и Первом Болгарском царстве: греческие и старославянские переводные библейские книги, церковно-учительная и житийная литература, исторические и апокрифические сочинения, а также произведения учеников Константина и Мефодия и их последователей — «Шестоднев» Иоанна Экзарха, церковно-учительные сочинения Климента Охридского, Константина Преславского, Козьмы Пресвитера и др.

Так на Руси складывался «некий общий фонд литературных произведений восточно-средиземноморского культурно-исторического ареала. Среди них и общий славянский фонд, тесно связанный с письменной культурой Византии. В рамках славянского фонда происходил свой обмен культурными и литературными ценностями» [6, с. 49]. При этом, как предполагает А. Н. Робинсон, «традиционно-диахронные процессы в древнерусской литературе были более устойчивыми, чем в средневековых западноевропейских литературах» [15, с. 44].

Одной из важнейших причин такого направления в деятельности древнерусских книжников является прежде всего то, что в Киевской Руси овладение книжным богатством, в первую очередь через посредство славянской письменности, становится задачей государственного значения. Об этом времени интенсивного книгообмена и книжного воспроизводства имеются сведения в Повести временных лет в статье под 1037 г.: Ярослав «собра писць многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо. И списаша книги многы, ими же поучающея вѣрнии людье наслаждаются ученья божественного. Яко же бо се нѣкто землю разореть, другой же настьеть, иные же пожинають и ядятъ пищу бескудну, тако и съ. Отець бо сего Володимерь землю взора и умягчи, съ же настья книжными словесы сердца вѣрных людий: а мы пожинаем, ученье приемлющее книжное» [13, с. 66].

Благодаря такой книжной деятельности, тесно связанной с письменностью греко-славянского мира, в Киевской Руси постоянно пополнялся и своеобразно культурно и филологически перерабатывался общий фонд текстов. Как отмечает А. Н. Робинсон, «широкие международные литературные связи русских книжников, их инициативность в отборе переводных памятников, необычайная интенсивность переводческой работы — всё это

© Бекасова Е. Н., 2012

повлекло за собой быстрое формирование в Киевской Руси переводческо-литературной школы», обладавшей «самостоятельными профессиональными традициями, приёмами стиля, особенностями языка, которые существенно отличали её от переводческой деятельности болгар и чехов», удовлетворявшихся более «однотипными памятниками (разными жанрами церковной литературы) и стилистически более ограниченными формами старославянского языка» [15, с. 77—78].

Всё это позволяло древнерусским книжникам не только самостоятельно отбирать и переводить с греческого языка такие византийские памятники, которые отсутствовали в болгарской литературе, например известные всему культурному миру средневековья «Александрию» (о жизни Александра Македонского) и «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, но и выходить за пределы канонических рамок старославянских текстов, в том числе наиболее авторитетных. Об этом весьма убедительно свидетельствует текстологическое исследование Л. П. Жуковской [7, с. 352] 550 сохранившихся списков Евангелия, показавшее как тщательность воспроизведения наиболее востребованного текста Священного писания, так и большую, чем в других славянских ареалах, индивидуальность книжника, обусловленную его образованием, опытом, ориентацией на определенные традиции скриптория.

Сплетение данных обстоятельств не в полной мере учитывается некоторыми исследователями в их построении языковой ситуации Древней Руси, что закономерно приводит к утверждению исключительности старославянского языка как единственного литературного языка (Б. О. Унбегаун, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский и др.). Однако даже сторонники адмирала А. С. Шишкова, представляющего «славенский» язык как источник и «корень» русского литературного языка, не могут полностью игнорировать оригинальность древнерусских текстов, вследствие чего возникает миф о «чередованиях двух языков и зависимости выбора языка от языковой установки» [19, с. 44], весьма привлекательный для упрощённого истолкования сложнейших вопросов генезиса русского литературного языка. Такая аксиома требует и соответствующего «притягивания» к ней языковых фактов, что наиболее ярко проявляется в трудах Б. А. Успенского, который для доказательства своей теории диглоссии в Киевской Руси приводит примеры из произведений Московской Руси с весьма некорректным оправданием — «мы вправе вообще привлекать к рассмотрению и относительно более поздние факты, проецируя их на древнейшее языковое состояние» [там же]. Такую сомнительную методику Б. А. Успенского А. М. Камчатнов назвал «передержкой, недопустимой в научной работе» [8, с. 53], однако ещё И. И. Срезневский более полутора веков назад предвидел «необоснованную уверенность смотреть на судьбу русского языка как на призрак воображения» и указал на её причины — «порывы ложного патриотизма или космополитизма», «слабости соображения и ложной уверенности» [17, с. 25, 34].

Оставляя в стороне сомнительность доказательств Б. А. Успенского процесса «ослабления» русского языка на примере произведений Ивана Грозного и протопопа Аввакума, соединявших достоинства церковнославянского языка, тексты которого знали, в том числе и наизусть, с возможностями русского языка для достижения своих коммуникативных целей, следует отметить, что такое переплетение двух близкородственных языковых начал в составе восточнославянского литературного языка не требовало перевода, потому что церковнославянский язык был понятен православным и — более того — воспринимался как свой, но только функционирующий в богослужебных книгах и обслуживающий религиозный культ. В этом плане, как утверждает В. В. Виноградов, «структура народной восточнославянской речи, если оставить в стороне произносительные различия, приведшие вскоре к созданию особого “церковнославянского произношения” (со-

гласно открытию А. А. Шахматова), была очень близка старославянскому языку как в грамматическом, так — в значительной степени — и в области словаря» [1, с. 255]. Более того, до процесса падения редуцированных системы славянских языков, в том числе и сакрального, ограниченного богослужебными текстами старославянского языка, были настолько близки, что ряд исследователей настаивает на определении XI—XII вв. как «времени позднего праславянского языка», когда «структурные различия между южнославянским и восточнославянским диалектами праславянского языка ещё нельзя считать языковыми» [8, с. 38—39].

Несмотря на спорность расширения границ праславянского периода, нельзя не отметить, что до сих пор достоверно не определён генетический статус ряда языковых явлений типа *имперфект*, *дательный самостоятельный* и под. [11], рассматриваемых как диагностирующие признаки, на основании которых нередко делаются выводы о принадлежности текста к русскому или церковнославянскому языкам. По мнению В. В. Колесова, «неразработанность церковнославянского языка в научном отношении мешает указанию соответствий по всему фронту» [9, с. 261], в частности, в настоящее время утверждается восточнославянское происхождение ряда неполногласных форм, которые были традиционно востребованы в исследованиях генетически соотносительных рефлексов именно в силу бесспорности их южнославянского происхождения и широкой представленности в древнерусских памятниках письменности [9, с. 84; 11, с. 176]. К сожалению, до сих пор актуально мнение В. В. Виноградова о том, что «при современном состоянии источников и знаний о старославянском и древнерусском литературном языках все эти разновидности старославянизмов в составе древнерусского литературного языка не могут быть очерчены и установлены со всей полнотой и определённой» [2, с. 91].

Однако «втискивание» разнообразия древнерусского языка в прокрустово ложе старославянского языка делает научно некорректное предположение о чередовании двух языков весьма востребованным. В частности, А. И. Горшков, критикуя учёных, «которые убеждены, что в одном произведении и даже “на коротких дистанциях” древнерусский автор мог свободно пользоваться двумя разными языками: оставлять церковнославянский и переходить на русский или наоборот», иронично анализирует сентенцию Д. С. Лихачёва: «“Литературный этикет требовал иногда быстрых переходов от одного языка к другому. Эти переходы совершались порой на самых коротких дистанциях: в пределах лексики одного предложения”. Если стать на эту точку зрения, то и процитированное высказывание Лихачёва следует считать написанным на разных языках» [5, с. 89]. Аналогично расценивает такие подходы к оценке своеобразия языка древнерусских памятников и А. М. Камчатнов, также пользуясь предложенной Б. А. Успенским псевдонаучной проекцией «более поздних фактов на древнейшее языковое состояние»: «Если мы в простоте сердца думаем, что предложение “*Патриоты восстали против тирана*” написано по-русски, то мы глубоко заблуждаемся: на самом деле литературный этикет потребовал от нас быстрого перехода от латинского (*патриот*) к славянскому (*восстали*), затем к русскому (*против*) и, наконец, к греческому (*тиран*)» [8, с. 48].

Следует также отметить, что литературный приоритет старославянского языка нередко влечёт за собой отказ от рассмотрения языка как исторической категории. Сохранение в богослужебных текстах целого ряда черт, свойственных всем славянским языкам в определённый период их сосуществования, в этом случае рассматривается как сугубо старославянская черта. В связи с этим достаточно упомянуть учебное пособие М. Л. Ремнёвой «Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.», где одним из критериев разграничения языков является наличие перфекта в русском и аориста и имперфекта в церковнославянском [14]. Однако о недопустимости такого подхода к исследованию

истории языка предупреждал ещё И. И. Срезневский: «Всего более может мешать уверенность, при которой позволяют себе оставаться многие <...> что в старых памятниках наших формы языка, отличные от нынешних, чуть ли не все взяты книжниками из старославянского, а в народе никогда не были» [17, с. 34].

Указанные сложнейшие отношения живого восточнославянского и сакрального старославянского языков на функциональной и системной оси «свой» и «чужой как свой» в соединении с универсальными особенностями средневековой литературы: незначительной спецификацией индивидуального творчества и непосредственной зависимостью от христианского мировоззрения — обуславливают возможность, с одной стороны, относительно свободной переработки текста, а с другой — сохранения ряда «общих» мест, основанных как на прецедентности авторитетного текста, так и на ментальных пристрастиях верующего человека. На отсутствие индивидуализации в совокупности с вненациональной религиозной общностью накладывается единообразие христианского просвещения и каноничность текстов Священного писания на старославянском языке, принятом и понятном в славянском мире. В таком диаметрально противоположном направлении работали древнерусские книжники, осваивая восходящий к истокам цивилизации авторитарный книжный фонд памятников.

При этом обучение исключительно по текстам — только тем, которые были в распоряжении определённого скриптория и писца со всеми языковыми особенностями списков и редакций, а также разной степени сохранности, — притупляло чувствительность книжника к языковой чистоте текста, что влияло на его своеобразную гетерогенность. По мнению А. И. Соболевского, именно вследствие «отсутствия грамматики церковнославянского языка отсутствовал и идеал этого языка, или, лучше сказать, идеал церковнославянского языка представлялся каждому из книжных людей различно — смотря по его грамотности и начитанности, смотря по особенностям его местного говора, окрашивавшим бывшие у него в руках книги» [16, с. 33]. Всё это усугубилось с конца XIV в., когда «живой русский язык стал уже значительно разниться от церковнославянского. <...> Книжные трудолюбцы должны были приобретать познание церковнославянского языка исключительно экспериментальным путём — посредством чтения церковнославянских текстов. Это был тяжкий труд, который сверх всего не давал точного знания. Многое зависело от того, каковы были списки в руках трудолюбца» [16, с. 50—51]. И древнерусские переводчики и писатели свободно сочетали литературно-славянские слова с русскими» [3, с. 21], а «русская стихия с силой врывается» в церковнославянский язык [3, с. 20].

Отсюда и особая острота проблемы языковой природы и статуса памятников древнерусской письменности, а следовательно, и происхождения русского литературного языка, не теряющая своей актуальности на протяжении более двух веков.

Бесспорно, церковные книги, как отметил ещё М. В. Ломоносов, «войдя в обычай», в своём славянском «остове» были близки и понятны, что позволяло им «умножать дольство русского слова», поддерживать единство «природного» языка не только «по великому пространству» России, но и по «вразумительности» языков «народов славянского поколения, которые греческого исповедания держатся» [12, с. 201]. Однако у церковнославянского языка не было собственной истории, если под ней понимать определённое языковое развитие [4, с. 28]. Это связано прежде всего со спецификой его бытования в виде образцов-текстов. По справедливому утверждению В. В. Колесова, церковнославянский язык как продолжение старославянского языка, возникшего в результате переводческой деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников, с одной стороны, был литературным, то есть языком «литеры», не имеющим устной формы и парадигм, а с другой — «именно он и не язык вовсе: чтобы обосновать его право считаться языком, а

не набором текстов, только в конце XIV в. стали переводить грамматики... и попытались изъяснить его парадигму через греческий образец, как подобие последнего» [9, с. 263].

«Восприняв идеологическое богатство греческого и латинского языков, усвоив сложные формы синтаксического построения, отчасти созданные нормами византийской риторики» [3, с. 17], церковнославянские тексты, являясь авторитетными и образцовыми, в той или иной степени оказывали влияние на любой оригинальный древнерусский текст. Однако до сих пор убедительно изумление составителя «Материалов словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского перед активностью исконного языка, умевшего противостоять языку сакральному: «Что на язык нашего древнего летописца должна была налечь сила книжного языка старославянского, это не удивительно: все стремления образованности того времени этого требовали. Удивительно скорее то, что, несмотря на все требования образованности, русский летописец не мог задерживать в своём языке его русские особенности; их так много» [17, с. 86].

В свете этого достаточно логично заключение монографии В. В. Колесова «Древнерусский литературный язык»: «Не было принципиальной разницы между «разными языками» (типами, стилями, формами воплощения языка и т.д.) Древней Руси: были разные тексты, которые создавались на основе различных принципов и образцов в рамках одного и того же славянского языка» [9, с. 281]. В определённой степени это смыкается с концепцией А. И. Горшкова о единстве древнерусского литературного языка, «не исключającego, но предполагающего богатство его ресурсов и разнообразие манер литературного выражения» [5, с. 92]. Рассматривая специфику литературного двуязычия в Древней Руси, он также категоричен в своих выводах: «Вопрос о принципах разграничения церковнославянского и древнерусского литературных языков остаётся неясным. Чем (кроме умозрительно предполагаемых генетически разных «основ») качественно отличаются друг от друга в реальности своего употребления два языка? Ведь даже существующие в наши дни и полностью доступные для всесторонних исследований языковые формации не могут быть в некоторых случаях однозначно определены как самостоятельный язык или как диалект некоего языка» [5, с. 88—89].

Независимо от того, что вкладывается разными исследователями в понятие древнерусский (восточнославянский и отчасти старорусский) литературный язык — церковнославянский язык, или исконный язык, или разные типы смешения двух генетически родственных языковых стихий, — следует признать, что речь идёт об особом литературном языке, где важной должна стать проблема взаимоотношений исконной и церковнославянской стихий, слившихся в единое гармоническое целое в процессе многовекового взаимодействия в системе древнерусского текста. Однако вопрос, почему данное «слияние» произошло только в системе русского языка, не затрагивая систем других восточнославянских языков, показывает, что его решение выходит за рамки чисто лингвистических проблем.

Взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов, включающих особенности средневековых текстов, пристрастия древнерусских книжников, государственную политику в области книжного дела, ментальность формирующейся на принадлежности к Русской земле народности, приятие богослужебных текстов на «своём» языке, идеологически поддерживаемой идеей «третьего Рима», определяло верно подмеченную Н. С. Трубецким особенность — «русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [18, с. 126].

Следовательно, без учёта особенностей «преемства», «амальгамы» или «симбиоза» древнерусских текстов и выявления их причин — далеко не филологического плана —

невозможно выстраивать ни гипотезы языковой ситуации, ни концепции генезиса литературного языка, ни тем более выявить механизмы складывания и развития своеобразной гетерогенности нового литературного языка от его восточнославянской до современной ипостаси.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка до XVIII в. // Избр. тр. История русского литературного языка. М. : Наука, 1987. С. 254—288.
2. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Избр. тр. История русского литературного языка. М. : Наука, 1987. С. 65—151.
3. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избр. тр. История русского литературного языка. М. : Наука, 1987. С. 10—64.
4. Горшков А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука, 1987. С. 7—30.
5. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М. : Наука, 1983. 160 с.
6. Жуковская Л. П. Загадки записи Изборника Святослава 1073 г. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука, 1987. С. 45—62.
7. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М. : Наука, 1976. 368 с.
8. Камчатнов А. М. История русского литературного языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М. : Издат. центр «Академия», 2005. 688 с.
9. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
10. Колесов В. В. История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. фак. СПбГУ : Издат. центр «Академия», 2005. 672 с.
11. Колесов В. В. Рецензия на книгу М. Л. Ремнёвой «Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв.» (М.: МГУ, 2003) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2005. № 3. С. 170—179.
12. Ломоносов М. В. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. История. Философия. Поэзия. М. : Наука, 1986. 495 с.
13. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1996. 700 с.
14. Ремнёва М. Л. Пути развития русского литературного языка XI—XVII в. : учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 396 с.
15. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI—XIII вв.). М. : Наука, 1980. 336 с.
16. Соболевский А. И. Лекции по истории русского литературного языка / изд. подгот. А. А. Алексеев. Л. : Наука, 1980. 195 с.
17. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / вступит. ст. С. Г. Бархударова. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2007. 136 с. (История языков народов Европы).
18. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопр. языкознания. 1990. № 2. С. 122—139.
19. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Поступила в редакцию 25.07.2012 г.

Елена Николаевна Бекасова, доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Российская Федерация, ул. Советская, 19
E-mail: bekasova@mail.ru

E. N. Bekasova

Old Russian text as a phenomenon of the Greek-Slavic cultural world

This article discusses the Old Russian text as a phenomenon of Greek-Slavic cultural world that has emerged in the peculiar formation conditions of Old School and Russian translation scriptoria and identified a particular mindset of scribes, connecting the original Old Slavonic tradition and freedom of creativity, fostering a “coenobitic”, in terms of genesis, literary language.

Key words: genesis of Russian literary language, ancient Russian text, concepts of the East Slavic literary language origin, the Old Slavonic language.

Elena Nikolaevna Bekasova, Doctor of Philology, assistant professor
Orenburg State Pedagogical University
460844, Russian Federation, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: bekasova@mail.ru